

18+

Ольга Сквирская

Кана чудес

Ольга Сквирская

Кана чудес

«Издательские решения»

Сквирская О. Е.

Кана чудес / О. Е. Сквирская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532679-9

Вся новейшая история российских католиков — как на ладони. Столько лет работы на сибирской католической киностудии! Люди как люди, испорченные квартирным вопросом: не до идей — каждый стремился обустроить свою задницу, в меру своей испорченности. Тем сильнее потрясали чудеса, которые с нами происходили — неожиданные встречи, интересные находки, опасные приключения. Недаром студию назвали по имени города Кана, что на Святой Земле, где Иисус совершил первое чудо — из простой воды сотворил вино.

ISBN 978-5-00-532679-9

© Сквирская О. Е.
© Издательские решения

Содержание

Киностудия в монастыре	6
Зеленое платье	7
У озера	8
Платье для рыжей девушки	9
Ищем мужа	11
В стане «врагов»	12
Победа и поражение	13
Полиция и Маленькая Тереза	14
Молитвы и миниюбки	15
Рыжая «оператор»	17
Герой ее «фильма»	19
По собственному желанию	20
Платье полиняло	21
Фарфоровые черепки	22
Литовцы любят лес	24
Субботник	25
Рукоположение	26
Лесник в третьем поколении	27
Деревенский батюшка	30
Голос отдельно	31
Сосновые дрова	33
Студия художника	35
Профессиональные свидетели	37
«Профессиональная свидетельница»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Кана чудес

Ольга Евгеньевна Сквирская

© Ольга Евгеньевна Сквирская, 2021

ISBN 978-5-0053-2679-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Киностудия в монастыре

...Больше тридцати лет прошло, а я, как сейчас, помню эту массивную дубовую резную дверь. Антиквариат!

Через эту дверь монахи-доминиканцы входили в трапезную монастыря еще в XX веке. Монастырь серый, подавляюще суровый, – от него веяло инквизицией и умерщвлением плоти даже теперь, на исходе 20-го столетия.

Мы с Шуриком путешествуем по Польше в сопровождении брата Дамиана, нашего друга, монаха-иезуита. Вот осматриваем старинный доминиканский монастырь в Кракове. У Дамиана везде свои люди, даже среди доминиканцев. Экскурсию проводит молодой послушник из Санкт-Петербурга по имени Сергей.

– Как в кино! – восхищенно пробормотала я.

– Так от нас киношники не вылазят, без конца снимают здесь костюмные фильмы, – Серега-доминиканец стукнул костяшками пальцев по серой стене, и та вдруг отозвалась несолидным фанерным гулом. – Это же декорация!

– Как, монастырь бутафорский? – разочарованно протянул Шурик.

– Нет, нет, – чтобы нас успокоить, послушник ударил кулаком по соседней стене.

Глухо прозвучал камень.

– Надо же, а на вид обе абсолютно одинаковые, – мы были сбиты с толку. – Дурят нашего брата!

– Просто вторая стена не сохранилась до наших дней, и художникам пришлось имитировать ее из ДСП. Но вообще эти киношники нас уже достали. Братья ворчат: и зачем святой Яцек основал монастырь в киностудии!

– У вас монастырь в киностудии, – парирует брат Дамиан. – А у нас, иезуитов, наоборот, – киностудия в монастыре.

Зеленое платье

– Все совпадения имен, названий и ситуаций – чистая случайность.

Не сказала бы, что Марина была моей подругой, – мы с ней всего лишь работали вместе, в католической киностудии.

Просто именно о ней один из первых моих телевизионных сюжетов, который мне очень дорог.

За нее я много лет молилась, не побоюсь этого слова. Можно сказать, что молитвы сбылись, хотя не так, как я предполагала.

С тех пор мы не встречались. Мне больше не хотелось ее видеть. Почему – длинная история.

У озера

Если на лестнице монастыря иезуитов вы встретите даму в домашних тапочках, которая с вами не поздоровается, это значит, что она здесь на духовных упражнениях.

Молитвенные размышления по методике Игнатия Лойолы обычно проходят при полном молчании. Считается, что в благодатной тишине можно услышать голос Бога. Священники советуют с особым вниманием отнестись ко всем приходящим мыслям, воспоминаниям и душевным движениям.

Хорошо, что хоть разрешены прогулки, благо монастырь находится за городом.

...С Евангелием под мышкой я вышла за ворота монастыря и побрела по дороге. Шла, шла, пока не дошла до большого озера. Не сразу, но я узнала его.

Оказывается, Ордынка так близко.

«Сколько же лет прошло с тех пор?» – прикинула я: десять! И пробыла-то я здесь от силы часа три, но они запомнились мне как время сплошного счастья. Начало скупого сибирского лета, свежий деревенский воздух, озеро на закате, трактор на пыльной дороге – все так нереально для нас, молодых горожан, даже чуть-чуть фольклорно. Помню, небритый дядька в грязной майке, наблюдавший за нашими съемками, подманил нас к своей изгороди:

– Ребятки, вот вам молодая картошечка, лучок, а вот огурчики – прямо с грядки! Вот вернетесь на свое телевидение и как поедите!

Платье для рыжей девушки

А началось все с того, что я получила задание от босса снять миропомазание на Богослужении.

– Епископ попросил, – брат Дамиан почти оправдывался. – Уж не знаю, что там может быть интересного...

– Интересное-то и дурак снимет, а попробуй-ка неинтересное сделать интересным, – пробурчал Шурик, подготавливая камеру к съемкам.

Тут Марина заговорила, не совсем в тему:

– А мне еще надо успеть дошить платье к миропомазанию, а то мама сказала, что пока я в джинсах буду ходить, не выйду замуж...

Вот и сюжет, осенило меня: сначала мы снимем, как рыжая девушка с большими голубыми глазами шьет платье к миропомазанию, а потом – как она в этом новом платье принимает миропомазание. Вот нам и главная героиня, все-таки не так скучно.

Идея позабавила и Шурика, и Марину.

– Где ты живешь, Марина?

– Родители снимают дом в деревне.

Я уже знала, что у Марины отец пьет, а мама время от времени лежит в больнице. Они всей семьей переехали в Сибирь с Дальнего Востока, продав квартиру. Деньги за эту квартиру отец тут же кому-то занял под проценты, с тех пор ни процентов, ни денег, ни квартиры. Вот и снимают домик в деревне, и оттуда Марина ездит на работу.

...Двор был весь в подсолнухах, а дом оказался очень низеньким и маленьким. В горнице, рядом со швейной машинкой, лежал раскрытый журнал «Бурда». Он довольно странно смотрелся в убогой обстановке, тем более что на выбранное элегантное платье постоянно садились мухи.

Шурик так и снял страницу – вместе с мухами.

Мы прицепили к желтой Мариной футболке микрофон, и работа началась...

– Приметывай подол и одновременно отвечай на вопросы, хорошо? Шурик, готов? Первый вопрос: чего ты ждешь от миропомазания?

– Чего жду? Что счастье настанет... Выйду замуж. Хочу много детей. Пять – пожалуй, хватит и пяти!

Марина отвечала на вопросы предельно откровенно. Во-первых, мало кто вообще себе ясно представляет, что такое миропомазание, а у Марины свое оригинальное представление о том, чего ждать от церковного таинства. Во-вторых, мало кто себе позволит публично заявить, что хочет замуж, а Марина заявила. Кажется, материал неожиданно удачный...

– Настоятель нам сказал, что нужно на праздник надеть все самое лучшее. Ну, лучшее-то все на мне, – Марина засмеялась в кадре, мы с Шуриком – за кадром: у Марины действительно ничего не было, кроме джинсов и желтой футболки, тогда с одеждой было совсем плохо. – Поэтому я решила, что буду шить себе новое платье.

...На Мессе мы подробно сняли, как она, в новом зеленом платье в мелкий синий цветочек, подходит к Епископу на миропомазание. Мне почему-то стало жалко Марину: слишком уж мешковато сидело на фигуре длинное женственное платье, подчеркивая все острые углы. Но замуж-то выйти надо.

С этого дня я стала каждый день за нее молиться.

...Я не ошиблась: сюжет «Новое платье» оказался удачным. Рыжая девушка на экране за шитьем платья вслух трогательно мечтала о счастье, и ее искренность подкупала зрителей.

– А нельзя ли мой телефончик пустить бегущей строкой, мало ли? – веселилась Марина у монитора.

Одним из ее обаятельных качеств была самоирония. А еще были чувство юмора, доброта и крепкий интеллект. Но были и плохие черты...

Марина время от времени исчезала: то на неделю, то на месяц. Шли ее разыскивать в общежитие. Выяснялось, что на нее навалилась депрессия, и она несколько дней подряд лежала на кровати лицом к стене без еды. Ее спасали, она выходила на работу, честно сидела за компьютером, вроде бы занимаясь бухгалтерией, – как вдруг снова пропадала...

Так случалось, пока брат Дамиан как-то ей не сказал:

– Марина, если еще раз ты не придешь на работу без причины, я тебя уволю.

Как ни странно, подействовало: Марина перестала исчезать.

Ищем мужа

На эту тему всей студией и шутили, и горевали. Пытались помочь, кто во что горазд.

Дамиан пригласил из Польши своего друга Норберта, – в юности они состояли в одном скаутском отряде. Норберт был еще холост, искал достойную девушку, а Дамиан выступил в роли свахи.

Шло формирование группы для похода в Саяны, и Марина в горах по плану должна была непременно подружиться с Норбертом.

Норберт оказался ровно в два раза ниже Марины и на редкость не обаятельный. Их кое-как познакомили, и эта парочка стала главным объектом студийных шуток, пока «кавалер» не отбыл обратно в Польшу.

С осени Марина напросилась на обучение к Дамиану компьютерному монтажу. Тот со скрипом согласился:

– Давай попробуем, но если станет ясно, что это не твое дело, то сразу прекратим.

Брат Дамиан не любил, когда ему перечили во время объяснения. Марина послушно молчала за компьютером и пожирала молодого учителя большими голубыми глазами.

– Не шибко у нее идет, но раз хочет, пусть учится, – великодушно разрешил Дамиан.

Студия развивалась. За лето отец Войцех с братом Дамианом объездили Магадан, Казахстан, Дальний Восток. Несколько сотрудников из этого материала чуть ли не с год монтировали сюжеты и фильмы.

А потом случились сразу два важных события: брат Дамиан на год уехал в Польшу, на длительные духовные упражнения перед вечными обетами, а в студии появился новый директор, некий брат Джорджо.

В стане «врагов»

– Ничего, и при Сталине люди жили, – утешила нас уборщица тетя Валя, опершись на швабру.

Брат Ежи, или Джорджо, как он просил его называть, до монастыря был сантехником. Во священники его почему-то отказались рукополагать, и он служил министром в сибирском монастыре, типа завхоза. Маленький, толстый, склочный, говорил какой-то брызжущей невнятной скороговоркой. Мы избегали его, как могли.

В телевидении суетливый брат Джорджо не смыслил ничего.

– Надо снимать не интересно, а религиозно, – поучал он.

– Но ведь Евангелие – это так интересно, – возразила Марина.

– Че там интересного, – отмахнулся брат Джорджо.

Не сразу мы поняли, чего он хотел: а именно – превратить студию в кружок «имени себя», и для этого медленно, но верно избавлялся от тех, кого привели и вскормили отец Войцех и Дамиан, заменяя их преданными себе людьми – в основном из Польского общества. А еще была у него явная склонность к юношам. Именно она побудила в конце концов поставить редактором Католического Видеожурнала своего молодого шофера, предварительно рассорив его с подругой.

«Чистка» студии сопровождалась классическими интригами, клеветой, науськиванием сотрудников друг на друга. Сначала он избавился от Шурика, затем уволил меня. Из «старой гвардии» осталась одна Марина. Ему она пока нужна была для того, чтобы через нее вызвать «ноухау» телевизионного процесса.

Марина проходила в монтажную, закрывалась и работала, а новые сотрудники пили чай и сплетничали. Изгнанные «снаружи» переживали за бедную Марину, – как она там во вражеском окружении.

К нашему изумлению Марина не только не унывала, но даже находила какой-то кураж в противостоянии недоброжелательной толпе. Она ходила в студию, как на войну, со стойкостью примерно Зои Космодемьянской, с гордо поднятой головой. Прекрасно понимая, что она обречена на увольнение, Марина могла позволить себе не прогибаться под Джорджо, во всяком случае, пока тот от нее зависел. Его плохо скрываемое раздражение только забавляло Марину. Так продолжалось несколько месяцев, Марина никуда не торопилась.

Наконец, как только Марина сдала Видеожурнал, Джорджо и компания затеяли показательный процесс увольнения «редактора». «Враги» «сшили» целое дело, достойное давно минувших дней, для этого использовав фильм про служение католиков во Владивостоке, который Марина смонтировала на основе съемок отца Войцеха и Дамиана.

Суть была вот в чем: поскольку в фильме фигурируют бездомные, безработные и больные, ушлые сотрудники сочинили бумагу, в которой черным по белому: «...творчество Марины Д. оказывает на зрителя депрессивное действие, приводит в уныние и наносит физический вред организму, вследствие чего ей следует запретить заниматься творческой работой...». И такого бреда примерно две страницы...

Собственно, они просто раздобыли с гостелевидения шаблон документа чуть ли не 37-го года. Бумага сегодня скорее смешная, чем устрашающая.

Марины вынесла из студии копию, и мы с друзьями устроили домашнюю премьеру «нашумевшего» фильма с чтением «настоящей» рецензии.

– Мой фильм недостоин такой профессиональной рецензии, – хохотала безработная Марина.

– Марина, сохрани ее, – с такой рецензией тебя на любое телевидение примут, – хором поздравляли Марину с «мощным резонансом».

Победа и поражение

К лету брата Джорджо, конечно, сняли. Вся его «польская» команда во главе с верным шофером Петькой демонстративно уволилась. Зато вернулся наш Дамиан.

...И вот мы втроем вошли в пустую студию. Всюду беспорядок. Средства намеренно растрачены, часть съемок затерта, снимать некому... Грустно.

– В общем, девушки, через месяц мы должны во что бы то ни стало выпустить журнал. У нас нет выхода. Мы должны доказать, что умеем работать. А хуже всего то, что я завтра уезжаю из Новосибирска до конца лета. Удачи, – и пожав нам руки, брат Дамиан удалился.

А мы с Мариной остались.

...Сказать, что нам было трудно, – это ничего не сказать. Мы с Мариной чувствовали себя придавленными непосильной ответственностью. Мы многого не умели. Наши поиски сотрудников стимулировали нашествие ушлых профессионалов, желающих подзаработать шальных денег. Конечно, никто не хотел работать за идею. Поэтому нам самим пришлось монтировать в авральном режиме целую кучу съемок.

Как вдруг у Марины совершенно не вовремя наметился роман с неким католическим Сережей.

Ей стало не до работы.

Сергей был добрым и безвольным. Он пробовал себя то в католической семинарии, то в православии, то в юриспруденции, и везде безуспешно. Из-за аврала на работе Марина встречалась с ним какими-то урывками. А потом и вовсе случилась трагедия: некая Лиля из прихода отбила Сергея у Марины. Правда, как настоящая христианка, она попросила у соперницы прощения. Высокие отношения. Обе плакали. Потом Марина плакала отдельно, в студии, плакала и я.

Марина говорила:

– Это все из-за этой Каны!

Да, мы выпустили Видеожурнал, но какой ценой – ценой Мариной личной жизни...

В моей душе прочно поселилось чувство вины по отношению к Марине. Я еще усерднее принялась молиться за то, чтобы она вышла замуж.

Полиция и Маленькая Тереза

Подбор кадров для киностудии «Кана» напоминал библейский царский пир: мы с Мариной собирали всех убогих, у кого были проблемы с работой, и пытались пристроить к делу. После этого у нас были проблемы не только с работой, но и с «кадрами». При этом каким-то чудом мы с Мариной выпускали один Видеожурнал за другим. Брат Дамиан давно превратился в директора «по переписке»: он находился то в Москве, то в Польше, то в Америке.

В один прекрасный день в студию заявила налоговая полиция. По ложному доносу «прихихеней» брата Джорджо полицейские арестовали и вывезли весь наш архив.

Эксперты с гостелевидения отсматривали все подряд, пытаясь нарвать компромат на католиков, и уже почему-то не только финансовый. Студию пригрозили закрыть, пахло большим скандалом.

Я не спала ночами. А Марина, напротив, играючи восприняла новое испытание: она с удовольствием ходила на допросы в страшное учреждение и, говорят, очень храбро отвечала на все вопросы. Это была долгая песня: в специальном кабинете чиновники дотошно выясняли суть того или иного реквизированного документа и подшивали к делу.

...Из одной папки вдруг выпала фотография девочки с косичками. Фотография оказалась та же, что висела на стене в студии. Еще во время злополучного «визита» этот портрет привлек внимание налоговых полицейских.

...Тогда при обыске нам запретили передвигаться, но провести полуденную молитву все же разрешили и, конечно, сами поприсутствовали при этом, не без любопытства. Один из полицейских даже поинтересовался, почему среди икон на стене висит фотография какой-то девушки. Пришлось им немного рассказать про Святую Маленькую Терезу.

Такая же фотография теперь вылетела из папки. Ну просто луч света в темном царстве: скучная бюрократия – и детская улыбка!

– Это еще кто такая? – удивился чиновник за столом.

Из-за соседнего стола вдруг послышалось:

– Это Маленькая Тереза, – там сидел сотрудник, который участвовал в налете. – Она святая.

Буквально через несколько дней нам привезли весь архив обратно и извинились.

Никак Маленькая Тереза помогла?

МОЛИТВЫ И МИНИЮБКИ

Обитые черной шерстью стены – не только удобная декорация, но и идеальная поверхность для прикалывания всевозможных реликвий.

Очень скоро весь угол заполнился картинками и иконками. Там ежедневно в полдень мы и молились всей студией, потихоньку превращаясь в общину. А поскольку среди сотрудников попадались и православные, и протестанты, маленькая община стала экуменической.

Под фотографию Терезы мы приколоты конвертик, куда вкладывали адресованные ей записки с молитвами. Время от времени их торжественно сжигали, мало ли кто что попросит.

В то время «Кана» была излюбленным «тусовочным» местом. На запах кофе слетались гости – священники, коллеги из других студий и церквей. Заглянув на огонек, те тоже принимали участие в общей молитве у нашего импровизированного неформального алтаря, и подкладывали свои записки Маленькой Терезе. Наша Святая все исполняла. Или почти все. Но Прекрасный Принц к Марине пока не приплыл на корабле с алыми парусами. Может, потому что Марина ходила в джинсах и не красила ресницы?

Между прочим, ноги у нее были потрясающие – длинные и идеально стройные, как бутылочки.

– Марина, с такими ногами тебе надо носить мини, – советовали подруги наперебой.

Но у Марины на этот счет было свое мнение.

– Зачем мне мужик, который польстится на мои ноги! Я хочу, чтобы меня любили ради меня самой.

Конечно, миниюбка – это не та форма одежды, в какой прилично ходить на работу в мужской монастырь. Но наше начальство не было слишком строгим:

– Можно ли носить мини в мужском монастыре? Если ноги красивые, то можно, если нет, то нельзя, – разъяснил брат Дамиан. – Мы с отцом Войцехом создадим комиссию и будем выдавать вам разрешения.

Марина как-то раз пришла в мини – в осеннем клетчатом платье-разлетаке с большим эффектным воротником. Ноги были во всей красе.

– Марина, раздевайся! – подскочил брат Дамиан.

В студии перестали работать.

– Ты не знаешь, – спросил он меня тихонько. – Почему Марина не снимает свое пальто?

– Так это не пальто, а платье.

– Ох, вот почему она на меня странно посмотрела, когда я сказал «раздевайся», – хмыкнул он.

– Больше никогда не буду приходить на студию в таком виде, – заявила Марина мне в конце дня.

Да, с такими ногами надо было уметь жить. Ноги были не по Марине, и она их прятала в джинсы.

Но это отнюдь не значило, что она небрежно одевалась. У нее все имелось в единственном экземпляре – одна пара сандалий, один свитер, один рюкзачок, но всякий раз это была очень качественная и недешевая вещь, пусть на нее порой приходилось потратить ползарплаты. И, что интересно, она никогда ничего не берегла и не делила свою одежду на нарядную и повседневную.

Даже когда у Марины не было ни жилья, ни денег, она не расстраивалась. У нее напрочь отсутствовала психология бедняка: она готовила себя к лучшей доле, хотя не знала, как и когда. Длительное безденежье и бытовую неустроенность Марина рассматривала несколько отстраненно, как развлечение, которое ей подкидывает судьба. Поживем так, будет и по-другому.

Позже я поняла, что она многое рассматривала, как развлечение, в том числе и работу, и дружбу.

Рыжая «оператор»

В один из своих краткосрочных приездов брат Дамиан обучил Марину снимать на камере.

...Мы обсуждали ближайшие события, достойные того, чтобы войти в киноисторию. Первый из таких – визит в Новосибирск главы Католической церкви Польши. Кто бы снял?

– Марина, а ты бы не хотела научиться снимать? – осенило вдруг Дамиана.

Марина от неожиданности расхохоталась, и он тут же истолковал ее смех как знак согласия:

– Значит, примаса снимет Марина. Что у нас еще?

...И когда вошел в студию примас Польши в сопровождении епископа и священников, Марина уже держала его под прицелом кинокамеры. Знаменитая российская католическая киностудия была представлена тремя странными девицами, самая высокая и самая рыжая оказалась оператором. Никто не мог сдержать улыбки – прыскал в кулачок настоятель, улыбался епископ, удивлялся примас.

Ох, что за съемки получились... Беспорядочно мелькали епископ, примас, стены студии валялись то в одну, то в другую сторону. Внезапно нарисовался кривой крупняк озадаченного польского архиепископа: подойдя поближе, тот заглянул Марине в объектив.

...Новость вышла максимально короткой, даже куцой, но лиха беда начало!

Вскоре Марина вполне освоилась с камерой. Основные события в церковной жизни Сибири происходят в Кафедральном соборе, и Марина со своей камерой выглядела у алтаря довольно профессионально – никто больше не смеялся. Но...

– Марина, ты мешаешь епископу проводить Богослужение: когда ты проходишь между рядами, никто из священников у алтаря не интересуется Мессой – все равнение на тебя, – дразнил Дамиан. – Надо с этим что-то делать!

Но, ничего не сделав, снова уехал в Москву. А мы здесь довольствовались малым: большая профессиональная камера валялась в бездействии, а Марина продолжала снимать на полупрофессиональной, на «автомате». Мы постепенно привыкли монтировать приличные новости буквально из брака. Со временем брака становилось все меньше, а опыта все больше.

Марина даже отправилась в командировку в Томск и его окрестности – снимать католиков. Привезла кучу кассет и села собственноручно монтировать сюжеты.

Я не могла нарадоваться на Марину: каждое утро заходит в монтажную, закрывается и монтирует! Вот умница.

Прошло несколько месяцев. В один прекрасный день я вдруг сообразила: а сюжетов-то никаких нет. Что она там делает? Заглянула в окошечко и увидела, что Марина полулежит на столе, закрыв голову руками, не двигаясь.

Я ворвалась в монтажную с криком «Что случилось?», Марина резко подняла голову, и я увидела ее злые заплаканные глаза.

...И она исчезла в очередной раз. А когда появилась в студии, сказала:

– Я не могу этого смонтировать... Поможешь?!

Мы вместе принялись отсматривать съемки. Да, из этого мало что можно было сваять – статичные, совершенно безжизненные кадры, люди спинами, никто не улыбается. Вроде бы правильные планы, но все как-то некрасиво, не полетит. И на Марину накатила очередная волна депрессии.

– У меня ничего не получается... Я занимаюсь не своим делом... Я не чувствую себя ни оператором, ни журналистом. Все это не мое!..

Людей нет, работать некому... А как только у Марины что-то начало получаться, так она – «мое-не мое»!

И снова эти ее таинственные исчезновения...

Иногда мне казалось, что нет человека надежнее, чем Марина.

Большая, спокойная, доброжелательная, она вроде бы не расстраивалась по мелочам и мыслила конструктивно. Как вдруг бросала все, исчезала на неопределенный срок, и ее приходилось разыскивать. Когда я выговаривала ей, то она молча, не мигая, смотрела на меня, и мне становилось не по себе: мне казалось, что из меня куда-то утекает вся моя жизненная сила. Ей словно доставляло удовольствие то, что я ее ругаю. Похоже, она даже специально провоцировала эти ситуации, и выбирала для них самый неподходящий момент.

Но вот она брала себя в руки, уверенно садилась за стол начальника, составляла планы, вписывала новые сюжеты, – в общем, наводила порядок. При этом нахваливала себя вслух:

– Ай да Маринка! – она часто говорила о себе и обращалась к себе в третьем лице.

А мне очень хотелось, чтобы Марина нашла себя в творчестве.

Герой ее «фильма»

Мне показалось, что стоит Марине поручить интересный сюжет, как она загорится, – только чтобы при этом далеко не ездить, не тратиться на транспорт и не жалеть испорченного материала.

Тем временем в Новосибирский монастырь прислали для служения молодого кандидата в иезуиты по имени Дмитрий. Его назначили министром монастыря, как в свое время брата Джорджо, вдобавок временно поставили нашим начальником.

Ростом он был как бедный Норберт, однако ходил медленно, держался важно, говорил тихо, все делал неспешно, с достоинством. Не знаю, каких он был кровей, но имел внешность классического конокрада: смуглый, волосы цвета воронова крыла, хитрый черный глаз, до кучи еще и золотой зуб.

Что же привело такого интересного юношу в Католическую Церковь? И как вообще российские парни становятся монахами-иезуитами? Чем не тема для Марининового сюжета!

И вот я послала Марину в монастырскую половину здания – взять интервью.

...Синхрон получился неважный: общий неинтересный план, отвратительный свет, и вообще – сидит Конокрад и пафосно рассуждает о Боге... Не верю.

Но Марина вдруг загорелась. Она придумывала все новые сцены, организовывала какие-то вечерние съемки, для которых им с Дмитрием требовалось куда-то ехать вдвоем. Кучка кассет росла, но до конца сюжета было далеко.

А потом с новой силой пошли исчезновения Марины с работы, непонятные слезы, терзания, обмолвки, недомолвки. Я ничего не понимала, пока Марина... вдруг не подала заявление об уходе.

По собственному желанию

Мы с Дамианом так привыкли заботиться о бедной неприспособленной Марине и нянчиться с ней, что нам было жутко отпускать ее в этот страшный мир. Как же она будет жить вне крепостных стен «Каны»?

Почему-то все это совпало с переводом Дмитрия в Москву. Я явилась свидетелем того, как перед отъездом с ним поскандалила наша бухгалтерша – по поводу студийных денег, которые тот якобы растратил не по назначению. Я не удивилась: это вполне соответствовало моему личному опыту финансового общения с этим странным парнем.

Напоследок Марина завещала мне доделать свой сюжет про «обращение Дмитрия к Богу» и ушла, не оставив домашнего адреса.

А я морально приготовилась, зажмурившись, взвалить на себя все Мариныны обязанности плюс к собственным.

Разбор бумаг привел меня к открытию, поразившему в самое сердце... Все, что Марина с такой помпой делала, – все эти планы и обновляемые списки – теперь занимало у меня от силы полчаса в неделю. В общем, отряд не заметил потери бойца...

Хотя нет, заметил! Некоторых наших сюжетов, сброс которых я поручала Марине, на мастер-кассетах не оказалось и вовсе... Как будто не было сюжетов, не было Марины.

«Незаменимость» Марины оказалась чистым блефом, а вклад в студию – почти нулевым.

... Нам в студию передавали приветы от Марины, которая якобы уехала в Питере.

– Да вранье это: в Москве она, к Дмитрию поехала, – сказала я Дамиану.

– Ты точно знаешь? – допрашивал он.

– Нет, только догадываюсь.

– Ну и нечего наговаривать на Марину. И на Дмитрия – он все-таки монах!

– Кстати, о Дмитрие: сюжет-то будем доделывать?

– Как хочешь.

Нет, не хочу. Сюжет о чем? История «обращения»? Да он первым же посмеется над нами.

Платье полиняло

...Прошло несколько лет. Однажды у входа в монастырь вдруг мелькнула девушка в зеленом платье. Как на Марину похожа! – подумала я, входя следом.

Но это действительно оказалась Марина.

– Марина, это ты? Неужели это то самое платье? Ты же сказала, что оно после стирки полиняло!

– Ну да, оно полиняло: синенькие цветочки смылись. Так об этом мало кто знает, и я его решила надеть на Мессу.

После службы мы немного прогулялись. Говорили ни о чем, – обе отвыкли от искренности и душевности. Я не спрашивала о Дмитриии, она не спрашивала о «Кане».

Распрощались легко, не обменявшись ни адресами, ни телефонами.

...Какая-то информация о Марине порой долетала до Сибири.

Дмитрий бросил монастырь (как хорошо, что я не стала делать сюжет, вот позорище вышло бы!). Однако он остался работать в нем администратором, на том же месте, что при-смотрел себе, еще будучи в ордене иезуитов.

Примерно через год они с Мариной обвенчались в московском католическом храме. Мессу служил самый главный иезуит на территории СНГ, знай наших.

– Ну зачем этот спектакль – венчание с провинциалом, – злопыхали бывшие собратья по ордену.

Но Дмитрий все хорошо продумал.

Во всяком случае Марина теперь замужем, квартира в Москве, родилась дочка. Что плохого?

...Я редко вспоминала Марину.

Но вот случайно, во время духовных упражнений, забрела в эту деревушку – и вспомнила тот яркий закат, подсолнухи, рыжую девушку в желтой футболке, которая мечтала выйти замуж. Вдруг я поняла две вещи.

Первая: а ведь сбылись наши с ней молитвы: она таки вышла замуж и вот уже родила первого ребенка!

А вторая: то зеленое платье Марина надела... специально для меня.

Не пора ли мне ее простить? Не это ли хочет мне сказать Господь во время этих духовных упражнений?

Да благословит тебя Господь, Марина.

Фарфоровые черепки

В ящике рабочего стола — битая посуда. На первый взгляд — хлам, мусор.

— Зачем хранишь? — спрашивает офис-менеджер.

— Отнеси в музей, — говорят те, кто понимает.

Просто эти черепки от старинной фарфоровой посуды — таких чашек и тарелок уже не делают. Узор старомодный.

«Когда я была маленькая, в доме у нас были тарелки с таким же рисунком, — вспоминаю я. — Боже, как давно я живу на свете! То, что я видела в детстве, уже стало музейной стариной!»

Но эти черепки ценны не столько своей древностью, весьма, впрочем, относительной.

Это привет из града Китежа наших дней — затопленного города Бердска.

...В конце 60-х на реке Берди ради строительства плотины затопили целый город. Перед этим предложили его жителям переселиться в другое место, выделив землю. Кто успел, вывез разобранные на бревна избы и скарб, кому-то не повезло. Вскоре на город хлынули потоки воды, и он вместе с церковью ушел под воду, как славный град Китеж.

Через десятилетия ученые сообщили, что эта идея была ошибочной: расплатой за нее явилась экологическая катастрофа. В Обском море теперь бьется на поверхности, не в силах уйти под воду, зараженная глистами рыба. Цветет застойная вода. Но время вспять не повернешь.

Волны искусственного моря постоянно выбрасывают на берег старые монеты, гвозди, черепки от глиняной и фарфоровой посуды. Некоторые вещи давно вышли из обихода — например, лошадиные хомуты.

Моя приятельница Галя, которая живет на берегу Обского моря, любит бродить по берегу, собирая эти предметы, когда-то исправно служившие первым бердчанам.

— Дай мне, — прошу я. — Когда буду снимать фильм о католиках Бердска, мне нужно будет немного показать и историю города.

— Возьми, — Галя охотно пересыпала мне в руки разноцветные черепки и ржавые гвоздики.

...Сергея и Свету, персонажей моего сюжета, мы привезли на берег Обского водохранилища. Разбросав по берегу мои черепки, я попросила Свету бродить по песку, как бы собирая их — под камеру.

При монтаже я обнаружила, что почему-то эти маленькие свидетели былой жизни в несуществующем ныне городе производят куда более сильное впечатление, чем съемки из музея, где нам профессионально и бодро изложили материал о строительстве электростанции.

«Откуда такой трагизм? — размышляю я, перебирая темно-синие и светло-зеленые осколки фарфора. — Разбитая посуда — ну и что? Посуда ведь бьется к счастью».

И вдруг я понимаю.

Эти осколки — это все, что осталось от чьей-то родины...

...Моя мама родилась в маленьком дальневосточном поселке Домбуки, на реке Зее. Так записано в паспорте.

Но она никогда не сможет навестить место, где прошло ее детство — его больше нет на свете. Так же, как Бердск, этот поселок был затоплен при строительстве электростанции.

Разбитую посуду не склеишь, стертую с лица земли родину не вернешь.

Литовцы любят лес

Все совпадения имен и названий – чистая случайность:)

На презентацию первого выпуска Католического Видеожурнала мы дружно опоздали все семьей.

Пока с мужем встретились после работы, пока подхватили дочку из школы, пока добрались на перекладных – а монастырь иезуитов был почти за городом, – пока добрались по частному сектору против ветра с мокрым снегом.

Когда ввалились в студийный павильон, все трое облепленные белым, как снеговики, от неожиданности оробели: во всю стену уже улыбалось лицо телеведущей, то есть мое лицо, – а темный зал был полон народу. Похоже, на презентацию киностудии «Кана» отец Войцех с Дамианом пригласили полгорода журналистов и телевизионщиков.

Но вот дали свет, и гости накинулись на бутерброды с колбой. Вдруг я услышала из-за спины знакомый глуховатый голос:

– Привет, землячка!

Оборачиваюсь – и с удивлением вижу Виктора из томского прихода. Что тут делает наш Медведь, интересно?

Субботник

...Прошлой весной мы с ним работали в паре на приходском субботнике.

Отец Казимир навез декоративных кустов, и нужно было обсадить церковную территорию за оградой с внешней стороны. Молодежь работала с удовольствием: весна в Сибири – примерно, как воскресенье после смерти.

Наша с Виктором задача – установить бордюр: для этого нужно забить обломки красных кирпичей в землю так, чтобы каждый торчал уголком кверху, и образовался эдакий резной рубчик.

Виктор – это белокурый рослый крепыш с породистым правильным лицом. Говорят, он сын литовского ссыльного.

Первое, что меня в нем удивило, так это несоветское обращение к женщине «сестра».

– Сестра, – зовет он своим мягким голосом, а я кручу головой – где-то монашка поблизости.

– Сестра! Ольга! – уточняет парень, и я соображаю, что у Медведя действительно есть сестра Ольга, тоже наша прихожанка.

Оборачиваюсь – нет Ольги.

– Да к тебе, к тебе я обращаюсь, – улыбается Медведь.

«Странный он какой-то», – подумала я, бойко забивая кирпичи в грунт, поскорее, поскорее.

А вот и второе, чем он меня потряс: через час работы я вдруг заметила, что наш «горячий литовский парень» занимается исключительно тем, что разбирает всю мою работу и переставляет за мной заново: методично прокапывает ямку, поглубже вставляет кирпич, затем плотно намертво утрамбовывает землю вокруг. И все это молча, невозмутимо, не говоря худого слова...

«Доскональный ты наш», – подумала я, испытывая одновременно неловкость и досаду.

– ... Что ты делаешь тут в Новосибирске, интересно? – удивилась я.

– Учусь в семинарии, на первом курсе, – ответил Виктор. – Про нас только что сюжет показали.

– А я что-то тебя на экране не узнала, – растерялась я.

– А я тебя сразу узнал, – о, думаю, вот и землячка.

Рукоположение

Томский храм Покрова Богородицы – один из самых старых католических храмов в Сибири.

Это вам не столыпинская «псевдоготика» начала XX-го века, которую можно встретить почти в каждом уважающем себя сибирском городке, если только не снесли.

Это бело-желтый церковный ансамбль 1830-го года застройки, – в тот период в России повсеместно господствовал классический стиль. Вот почему эта католическая церковь имела не готический облик, а византийский: была увенчана большим куполом. Кроме храма, от прежних приходских застроек сохранилась замечательная колокольня и приходской дом, в котором сейчас располагается приют для бездомных. А еще восстановили приходскую школу, и теперь туристам демонстрируют великолепный католический архитектурный ансамбль на горе Обруб, и к храму ведет чудом уцелевшая единственная в городе булыжная мостовая.

Наша церковь всегда выглядит нарядно и торжественно, а сегодня еще и большой праздник – рукоположение в священники парня, которого многие тут знают с малых лет. И священники, и семинаристы, и прихожане, и даже наша съемочная группа из «Каны» – все охвачены радостным волнением, и у некоторых я замечаю на глазах слезы.

Виктор с виду спокоен, как танк, волнение выдает лишь мокрый лоб.

Оператор Стас подробно запечатлел все основные моменты исторической Мессы, начиная с облачения молодого человека в белую сутану, – ну, как тут и была! И всеобщий любимец Витя с этого момента превратился в отца Виктора. Мы здесь, а он там...

Лесник в третьем поколении

– ...Виктор, когда нам дашь интервью? – улучила момент, пробившись через поздравлявших и раздвинув букеты.

– Разве что завтра, – прикинул Виктор. – Где?

– А давай съездим в твое село, у нас машина, – предложила я.

– Туда не проехать, там болото, бездорожье, – возразил Медведь. – Это только зимой можно, когда все замерзнет. Вообще-то там уже никто не живет.

– Как, а твоя мама?

– Она давно в Томске.

– Может, у вас дома?

– Да я там никогда и не жил, – пожал плечами Виктор.

– Хорошо бы где-нибудь в лесу, ты ж потомственный лесник, – сообразила я.

– Давай в Тимирязевском бору, все-таки это была территория моего отца, пока он был жив.

Тимирязевский бор начинается сразу же за мостом, на выезде из города.

Высокие сосны без подлеска, сизый мох с брусничником и черничником – излюбленное место томских грибников. Там всегда росли лисички, моховики и даже боровики, и на всех хватало.

Туда мы и привезли нашего Медведя. На этот раз он был в серой форменной рубашке с «колорадкой». Мы заставили его пройтись по пригорку на камеру, затем усадили на пенек меж сосен, и приступили к записи основного синхрона, без которого не смонтируешь никакого фильма.

Вот так, не спеша, сидя на пенке, поведал нам Медведь свою лесную историю.

Оказывается, он профессиональный лесник в третьем поколении: дед был лесником в Литве, затем отец. После оккупации Прибалтики их выслали в Сибирь вместе с семьями, поскольку всех лесников подозревали – и не без оснований! – в пособничестве «зеленым братьям». Так они попали в северное село Копаное Озеро, примерно триста километров будет от Томска, глушь страшная. Зато там никто не мешал ссыльным – а в селе жили не только литовцы, но и латгальцы, и поляки, – соблюдать религиозные обряды.

Отец служил лесником, и Виктор тоже решил пойти по его стопам.

Отслужив армию, парень поступил в Красноярский лесной институт, успешно закончил и вернулся на родину молодым специалистом. Через год заменил отца после его смерти, а еще через год принял новое решение – стать католическим священником.

– У меня была девушка, но в какой-то момент мне показалось, что брак – это не мой путь, – невозмутимо, почти равнодушно рассказывал Медведь.

– Тяжело было в армии?

– Морально – да, – также безэмоционально ответил он.

...Как-то раз старшина попытался заставить его украсть в селе какие-то стройматериалы.

– Я не могу этого сделать, – ответил Медведь и тут же угодил на гауптвахту.

Через несколько дней начальник повторил свой приказ, но безуспешно. Уж не знаю, сколько суток провел Виктор на гауптвахте, только до старшины внезапно дошло:

– Ты верующий, что ли?

– Да.

Только тогда тот, наконец, отстал от бедного солдата.

На табуретку не встать?

... В лесу было солнечно и приветливо, на фоне тишины громко щебетали птички. Однако то тут, то там валялись кучи мусора – пластиковые бутылки, пакеты, пивные банки и прочие следы «пикников у обочины».

– Зас... засорили лес совсем, – покосился Медведь.

Продолжить нашу кинематографическую работу мы решили в приюте Белых Сестер, где на пару дней обосновался Виктор. Все мои просьбы новоиспеченный священник выполнял послушно, терпеливо, правда, несколько иронично.

– А теперь, пожалуйста, прочитай «Радуйся, Мария» на литовском языке, – попросила я его.

– На табуретку встать? – предложил он без улыбки, только в голубых глазах прыгали искорки.

– Друзья, я вынужден вас огорчить, – вдруг подал голос Стас. – У меня что-то звук был отключен...

– И давно? – упавшим голосом поинтересовалась я.

Стас по обыкновению был или выпившим, или с похмелья, поэтому результат его работы был непредсказуемым.

– В общем, вот эту молитву надо будет повторить.

Вымотанный Медведь только вздохнул.

– Как он к нам – «друзья», – подмигнула я Виктору. – Какие мы тебе друзья – снимать не умеешь, – повернулась я к провинившемуся коллеге.

В это время дверь в комнату приоткрылась, и в проеме показалась голова темнокожей монахини:

– Принести обед?

– Но я не могу один, у меня гости, – указал Виктор на нас.

Голова закивала и исчезла, а через минуту сестра в белом сари внесла в комнату поднос и составила на стол три порции супа.

Мы с готовностью уселись за стол:

– Батюшка, вы теперь профессионал, благословите нам супчик, – попросила я Виктора, и он совершенно серьезно произнес молитву, полагающуюся перед едой.

– Не может он один, говорит, – поддразнила я его. – А чего это ты не можешь один, сел бы да поел, подумаешь.

Медведь засмеялся.

– Ну все, осталось фотографии поснимать, – подытожила я после обеда, и Виктор развернул пакет с черно-белым семейным архивом.

... Если бы я не знала, что эти фото сделаны в сибирском захолустье, я бы точно подумала, что это какой-то литовский фольклор: пожилые люди с нездешними тонкими чертами лица, в традиционной одежде, на фоне какой-то старинно-музейной утвари.

– Это мои бабушка с дедушкой. А вот отец в своей конторе, – комментировал Виктор. – Это мое первое место работы после института. А тут – помнишь? – протянул мне маленькую цветную карточку.

Я с удивлением узнала себя на фоне нашего храма, в грязной одежде. А вон и Медведь.

– Так это же тот субботник!

– Возьми себе, если хочешь.

... Общий план освещенного летним солнцем соснового бора. Медленно приближается плечистый деревенский парень, звучит молитва по-литовски, а фоном – мазурка Шопена.

Так я начала свой фильм про священника Виктора, лесника в третьем поколении, истинного арийца, с характером твердым, нордическим, закаленным в сибирской глухой деревне. И музыка Шопена – это лучшее в моем понимании, что я могла бы для него сделать.

Деревенский батюшка

Медведя назначили служить в приходе новосибирского Кафедрального собора.

Оживление приходской жизни все почувствовали незамедлительно. Отец Виктор быстро завершил строительство загородного молодежного центра, и в новом здании у реки теперь без конца проводились духовные упражнения, встречи, Каникулы с Богом. Было где отпраздновать венчания, дни рождения, рождественские и пасхальные мероприятия, а то и просто покататься на лыжах зимой или покупаться летом.

По инициативе отца Виктора перед Рождеством и Пасхой прихожане организовали благотворительные ярмарки сувенирных изделий собственного изготовления, а средства от распродажи пошли в приходскую казну.

Унаследовав миссионерский запал томских священников, которые неустанно разыскивали католиков по окрестным деревням и селам, отец Виктор находил и открывал приход за приходом в различных местечках вокруг Новосибирска.

– Я сам деревенский, поэтому понимаю этих людей, знаю, как с ними надо, и хочу с ними работать, – говорил он.

Люди были непростыми, не открывались первому встречному. Медведь заезжал в незнакомую деревню и первым делом заходил в сельпо, кланялся «здравствуйте», покупал хлеб, завязывал разговор – и через пятнадцать минут уже все знал, где какие немцы, поляки, украинцы, где живут, кто из них католики.

Между прочим, католиков ему иногда удавалось вычислить и без сельпо: по особой застройке домишек и по аккуратному внешнему виду.

«Здесь живут ссыльные немцы», – прикидывал он и стучал в калитку:

– Слава Иисусу Христу!

...Через год в области было уже целых девять приходов, и каждые выходные ему приходилось выезжать на Богослужение. В одних селах сложились крупные семейные общины, в других его ждала всего пара ветхих старушек, тем не менее Виктор с одинаковым энтузиазмом посещал и тех, и других.

Как-то раз я уговорила его взять с собой оператора Стаса, и тот наснимал интересный материал о католиках сибирских деревень. Правда, по дороге машина застряла в сугробах, и парни кое-как ее вытолкали.

Настоятелем отец Виктор был правильным и надежным. В меру открытый, в меру осторожный, он четко соблюдал дистанцию между людьми. Готовый прийти на помощь, он никому не позволял сесть себе на шею и не допускал панибратства.

Что касается меня лично, то через Медведя Бог сотворил в моей жизни несколько чудес, иначе не назовешь.

Голос отдельно

...Век не забуду эту Пасхальную службу, на которую я пришла одна, без семьи, с опухшими от слез глазами: муж на корпоративной вечеринке якобы по случаю Пасхи, дочка где-то с парнем.

Хорошо, что в церкви я сразу встретила Марину. Пожаловалась, что ужасно не хочется идти домой после Мессы, в пустую квартиру, и она пригласила меня ночевать к себе домой. И сразу мне стало легко.

– А вон твоя дочка стоит, – сообщила Марина. – Какой красоткой стала.

– Ага, значит, все-таки пришла в храм. А что она делает? – поинтересовалась я. – Ничего не вижу...

– Обнимается с каким-то парнишкой, – доложила высокая Марина.

– Тьфу!

За алтарем Виктор, тогда еще зеленый семинарист, которого перед Пасхой рукоположили в чтецы. От имени Понтия Пилата допрашивал Иисуса Христа. Того озвучивал сам епископ. Правда, выглядело все это немного странно.

– «Ты Царь Иудейский?» – вопрошал Виктор своим добрым глуховатым голосом.

А епископ у трона, в нарядной сутане, властно и напористо возражал:

– «Ты говоришь, что Я Царь».

– Эх, им бы поменяться, – шепнула я Марине.

Мне хотелось, чтобы от имени Иисуса читал Виктор.

Утреннюю мессу в Кафедральном соборе мы с Мариной, конечно, проспали.

Зато у меня возникла мысль:

– А не поехать ли нам в храм на улице Мира – там Иисус иногда улыбается с большого распятия?

– Шутишь, – сказала Марина.

– Нисколько. Об этом все знают. Как, ты там еще не была? – удивилась я. – Поехали.

Совершим пасхальное паломничество.

Через весь город, по дождю, на перекладных кое-как мы добрались до маленькой церкви.

Каково же было наше разочарование, когда мы поняли, что Месса закончилась. Оказалось, что в связи с приездом епископа и семинаристов ее перенесли на час раньше. О, нет!..

– Марина, тебе не кажется, что для отдельно взятых нас с тобой все еще продолжается Великий Пост? – разозлилась я.

– А где твое улыбающееся Распятие? – вспомнила Марина. – Давай хоть подойдем ближе.

Церковь опустела. Мы прошли вперед и уселись на переднюю лавку. Пригляделись к большому распятию – гипсовый Иисус действительно улыбался. Вопреки всему.

«Чему же тут улыбаться», – мрачно подумала я.

Как вдруг передо мной возникла фигура Медведя.

– Христос воскрес! Вот, решил поздравить землячку. А Шурика твоего я вчера уже видел.

– ...Где?!!

– В храме, после Мессы. Он ходил и искал вас с дочкой, спросил еще у меня: где моя семья?

Марина посмотрела на него так, словно бы ей явился настоящий ангел.

– Воистину воскрес!

Теперь мне стало понятно, чему Иисус улыбался... (Сама же сказала, что Виктор должен говорить от имени Иисуса. Ну так Он и прислал мне Свой голос!!!)

– Улыбка – отдельно, значит, а голос отдельно, – усмехнулась Марина.

– Марина, я еду домой. Очень тороплюсь. В общем, Христос воскрес!

Сосновые дрова

– ...Ну вот, поработал «телефонным проводом», – довольно улыбнулся Медведь, когда спустя десять лет я напомнила ему эту историю.

Мы сидели в нашем новом двухэтажном коттедже, на кухне, рядом с печкой.

...«Коттедж» – слишком сильно сказано.

Два года назад Шурик занял денег и купил развалюшку в частном секторе с тем, чтобы снести, построить на этом месте что-то попрличнее и продать. Однако документы оказались косячными, и разбирательство отняло кучу времени. Стройку пришлось отложить, проценты выросли, и в конце концов пришлось срочно продавать за долги собственную, только что отремонтированную, квартиру, а самим переселяться в недостроенный коттедж. И все это выпало на декабрьские морозы...

Как попало заселившись, мы растерянно бродили по огромному, насквозь промерзшему помещению, не снимая шуб, и никак не могли согреться. Шурик трясущимися руками пытался растопить печку, а обледенелые березовые дрова отказывались разгораться. Я молчала, слезы катились по щекам, а расстроенный Шурик тщетно пытался меня утешить.

На следующий день, в церкви, после Богослужения, я подошла к отцу Виктору и попросила освятить «весь этот мусор», который теперь стал нашим новым домом.

– Сейчас обед, а в пять часов у меня встреча молодежи... – задумчиво прикидывал священник.

– А обед – это обязательно? – спросила я.

– Желательно, – уточнил Медведь, иронично улыбнувшись.

– Это я к тому, что поесть-то можно и у нас, – смутилась я. – Только сегодня я вряд ли смогу угостить чем-то хорошим... Пельмени казенные разве что...

– Сойдет, – махнул рукой отец Виктор и пошел за пальто.

Обнявшись при встрече с «земляком» Шуриком, Виктор облачился в сутану прошел по всем комнатам и побрызгал углы святой водой, читая вслух по толстой книге.

Затем мы устроились в относительно теплом месте, на кухне, и я разложила по тарелкам горячие пельмени из магазина, сваренные на электрической печке. Мы чокнулись одноразовыми стаканчиками с красным вином, из дешевого пакета. Походное такое новоселье.

– Чем топите? – озабоченно спросил Виктор.

– Березой, только поленья мерзлые, никак не разгораются, – пожаловался Шурик.

Медведь с сомнением посмотрел на охапку березовых чурок, валявшихся в углу.

– Эх, сюда бы сосновых досок, – размышлял он. – А от них и береза хорошо будет разгораться. Надо смешивать то и другое.

...На следующий день, возвращаясь домой с работы, с изумлением вижу посреди двора гору сосновых досок.

– Откуда дровишки?! – спросила у мужа, который возбужденно крутился у кучи.

– Медведь наколдовал!

– Нет, серьезно: где взял?

– Шел мимо одного дома, а там, похоже, затеяли замену полов: старые выбросили прямо под окна. «Не нужны?» – спрашиваю у хозяев. «Забирай», – говорят. Я тут же вызвал «газель», погрузил – и вот... Этого нам хватит до конца зимы, – и Шурик снова взялся за пилу, чтобы распилить рейку на части.

Сухие, крепко просмоленные доски вспыхивали в топке с одной спички, весело потрескивая и занимаясь ярким пламенем. В огонь мы подкидывали березовые поленья, и те долго и ровно горели, отдавая жар, и по всем комнатам распространялось блаженное тепло с запа-

хом кошачьей жизнедеятельности, – видимо, за годы эксплуатации деревянный пол намертво впитал запах нескольких поколений домашних животных.

– Ну, считай, что зиму пережили, – с облегчением сказал Шурик. – С легкой руки Виктора.

Студия художника

...Когда через год мы снова пригласили Медведя в гости, дом уже куда больше походил на «коттедж».

Шурик отремонтировал сантехнику, покрасил стены, выложил полы кафелем. В гостиной стоял красивый камин, на тумбочке – аквариум, со второго этажа всюду раздавалось птичье щебетание – там жили чижи, щеглы, попугаи.

Мне было немного стыдно за скудный казенный обед, которым я накормила священника в прошлый визит, и на этот раз я расстаралась: запекла свинину в духовке, предварительно нашпиговав чесноком и обмазав специями. И винцо купила попримичнее.

И тут случилось нечто странное: зайдя в дом, подняв голову к потолку, высоченному, согласно архитектурному замыслу мужа, отец Виктор вдруг произнес загадочную фразу:

– Ваш дом для меня – это студия художника.

«При чем тут это, у нас все сплошь музыканты, а не художники», – удивилась я про себя.

Его слова я вспомнила через несколько лет, когда все стены были плотно увешаны картинами. Моими собственными, между прочим.

...Ничто не предвещало, что я начну рисовать.

Но как только я потеряла работу в католической киностудии, у меня появилось свободное время. Неожиданно для самой себя я вдруг записалась в изостудию для взрослых. Там учили рисовать сангиной и маслом, пастелью и гуашью.

Глаза боятся, а руки делают. На моем мольберте проявлялись то натюрморты, то пейзажи. Дочка специально покупала для меня цветы, и долгими зимними вечерами я рисовала розы и хризантемы. Каждый незрелый плод моего творчества мы торжественно вешали на стену. Настоящие глиняные горшки на кухонной полке соседствовали с абсолютно такими же настенными горшками в рамочках.

У меня появилась мания: прежде чем что-то съесть или выпить – яблоко, помидор, гранат, даже бутылку пива, – я вначале должна была их нарисовать пастелью или акварелью, и увечеченная еда «перемещалась» на стену.

У нас завелись рыжий кот Бегемот и черная кошка Гелла, – и их портреты тут же появились на мольберте, затем на стене.

Инга как-то купила себе огромные синие «гриндера», чтобы носить их с женственным платьем, – вот такая странная причуда молодой джазовой певицы. Я не удержалась, зарисовала правый ботинок устрашающего вида. А потом – левый, в другом ракурсе. Оба ботинка я развесила по стенкам прихожей. Прикол состоял в том, что на полу, под картинами, стояли «оригиналы».

– Тебе-то хорошо: у тебя во-он какие выставочные площади, – завидовали мне подружки по изостудии, обладательницы «хрущоб».

Шутки шутками, только мой дом теперь действительно выглядел как пресловутая «студия художника». Но откуда, откуда Медведь об этом прознал? Вот колдун!

И вообще – как ему это удается?..

...Настоятелем прихода отец Виктор пробыл совсем недолго: его отправили учиться в Рим. Постепенно заглохли все его начинания, зато у людей осталась о нем хорошая память.

Прошло еще несколько лет.

По иронии судьбы свой фильм про отца Виктора я выложила на YouTube в тот самый день, когда Медведь... женился на прихожанке. Это я потом узнала.

Странное чувство юмора у нашего Господа. Ему как будто нравится портить отличные сюжеты!

Конечно, Виктору пришлось уйти из священников, и он навсегда уехал с семьей в Литву.

И все-таки для меня этот Медведь и по сей день остается самой мистической личностью из всех, с кем я пересеклась на жизненном пути.

Профессиональные свидетели

Совпадения с реальными людьми считайте случайностью.

Вот так новость: Винарские покидают наш сибирский город! Навсегда.

Не могу сказать, что я опечалена, но и не могу сказать, что рада. Мне грустно, ведь с ними прошел большой и очень важный кусок жизни. Вот и он ушел в прошлое.

Галя и Витя Винарские явились лидерами первой в моей жизни христианской общины.

Винарские стали героями моего первого телевизионного сюжета.

Винарские поделились со мной опытом совместной молитвы живому Богу.

Винарские оказались свидетелями чудес молитвы в моей жизни и сделали меня свидетелем чудес в их жизни.

Винарские предали меня. Вернее, регулярно предавали меня все эти годы.

Впрочем, герои моих сюжетов почему-то довольно часто предают меня. Но Винарские были первыми.

«Профессиональная свидетельница»

Галя была композитором. Когда мы с Шуриком учились в консерватории, Галя уже закончила ее. Я никогда не слышала ее произведений, их исполняли не часто.

Галя была маленькая, плотная, круглолицая, не особенно приметная.

Однако в Католической церкви Галя вдруг оказалась в числе самых больших активистов. В конце 80-х вдруг возникла такая мода в консерваторской среде – посещать часовню на улице Мира, петь в хоре. Это было странное время: там водились немцы, еще не эмигрировавшие; представители интеллигенции, позже отхлынувшие; стукачи, никуда не исчезнувшие, а также вечные любители всякой иностранщины. Вот такая разнонаправленная компания до отказа заполняла маленький деревянный храм, а Галя-органистка тонко и нежно пела над всеми.

– Мое место – второе после алтаря, – говаривала она. – Когда священник возносит руки, мне кажется, что он поднимает их к органу, и хоры – это почти как небеса.

Позже я познакомилась с ее мужем Виктором, преподавателем мединститута, солидным мужчиной, всегда в костюме и при галстуке. При них неотлучно находился маленький мальчик Ванечка, которого они усыновили. Все говорили об их поступке с восхищением, тем более что мальчик был больной, – это было видно по его неверным движениям и невнятной речи.

Эту троицу так и подмывало назвать Святым Семейством. Они выглядели очень дружными и здорово дополняли друг друга. Когда Витя вел занятие малой группы или делился своими мыслями, Галя влюблено смотрела на него и при этом часто-часто моргала. К причастию Галя с Витей всегда шли, держась за руки. И вообще, оба всячески подчеркивали любовь друг к другу и «единство во всех отношениях».

Галя в церкви раскрылась для меня с новой стороны. Сроду бы не подумала, что она обладает такой сильной личностью. При более близком общении я моментально попала под ее невероятное обаяние, и мне она даже показалась по-женски привлекательной.

На Богослужениях она пела песни собственного сочинения, и я удивлялась их мелодической красоте, гармонической изобретательности и в то же время простоте. Все-таки она была талантлива как композитор, только проявилось это не в симфониях и квартетах, а в песнях. Они были немного в стиле западной эстрады 70-х, и все же такие русские. Среди них попадались настоящие шедевры. Например, молитву «Радуйся, Мария» много лет поют во всех католических церквях страны и даже за ее пределами, при этом мало кто вспоминает, кто ее написал, – песня давно уже стала интернациональным фольклором. Голос у Гали был высокий, как у ребенка или ангела. И вообще она придерживалась имиджа «маленькая собачка до старости щенок», и для всех была Галей, даже после сорока.

Но самое сильное впечатление на меня произвело то, как Галя говорила о Боге. В ход шло все – могучий вербальный интеллект, женское обаяние, подкупающая искренность. Каждое свое свидетельство она оформляла в захватывающий сюжет с драматургией, кульминацией и обязательным чудом в конце. Не поверить ей – и после этого в Бога – казалось кощунством. Сколько людей обратилось благодаря ее свидетельствам! В том числе и я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.